

Божество кухни - мужчина, и было бы неуместно просить А'Юаня выполнить задание "накормить", поэтому вместо него это сделал А'Чанг.

Закончив, Шэнь Шаогуан с улыбкой помолилась. Пусть Цзаоцзюнь войдет в небесные врата с достаточным количеством еды и вина; сокращение или избыток не имеет значения; прибыль от бизнеса в обмен будет возвышенной...[1]

На самом деле, обычно именно мужчины приносили жертвы кухонному богу. Как говорится, "мужчины не поклоняются луне, женщины не поклоняются кухонному богу". Однако, поскольку она была последним оставшимся членом резиденции Шен, у Шен Шаогуан не было другого выбора, кроме как сделать это самой.

Шэнь Шаогуан сожгла бумажные деньги, бумажных кукол и прочее, а Ю Сань, А'Юань и А'Чанг поклонились, отправили кухонного бога на небо, и церемония была завершена.

Затем наступил ужин в честь Малого Нового года. В то время термин "Малый Новый год" еще не был придуман, и в этот день не ели никаких особых блюд, все ели то же самое, что подавали кухонному богу.

Шэнь Шаогуан подготовила плиту, закрыла двери магазина, и все четверо с удовольствием ели горячий горшочек.

Шэнь Шаогуан достала из кипящего бульона тофу и, обмакнув его в соус из смеси кунжутной пасты, креветочного соуса и шнитт-лука, съела. Она также приготовила капусту напэ, редис, таро и другие овощи, но мяса съела немного: все, что у нее было, - это пара фрикаделек.

А'Юань и А'Чанг принадлежали к фракции плотоядных: они не могли устоять перед всеми видами мясной нарезки, фрикаделек, ребрышек, тофу из свиной и утиной крови. Тарелку за тарелкой они готовили и накладывали в свои миски, поглощая все с энтузиазмом и ликованием.

Ю Сань был гораздо сдержаннее и приготовил в кастрюле с молочным бульоном только баранину и капусту напэ.

Увидев, что Шэнь Шаогуан отложила палочки, съев несколько фрикаделек, наполненных супом, Ю Сань встал и сказал: "Пойду приготовлю лапшу боту. Кто-нибудь из вас хочет?"

А'Юань и А'Чанг покачали головами. Они с удовольствием ели это, кто же захочет есть лапшу? Почему они не устали от нее даже после того, как столько раз ели хотпот? Может быть, их госпожа не врал, что в прошлой жизни была демоном горячего горшка?

Шэнь Шаогуан подняла руку. "Я хочу немного. Сделай его более тонким, так он быстрее проварится и легче усвоится".

Ю Сань нахмурился и бросил на нее взгляд "почему ты такая придирчивая", после чего встал, чтобы приготовить лапшу из уже поднявшегося теста.

Принцесса Ю Сань ежедневно презирал Шэнь Шаогуан . Не обладая достоинством мастера, она лишь кривила глаза и улыбалась.

Через некоторое время Ю Сань принесла на бамбуковой крышке лапшу боту. Часть из них была в форме нежных тонких лепестков, а другая половина - в форме обычных листьев лука-порей.

Шэнь Шаогуан улыбнулась, взяла лепестковую лапшу боту и насыпала ее в кастрюлю для варки. Ю Сань бросил остальную лапшу в свою кастрюлю.

Шэнь Шаогуан и Юй Сань вскоре наелись досыта. Они продолжали сидеть за столом, потягивая напитки и наблюдая за тем, как едят двое малышей.

Шэнь Шаогуан вспомнила, что в прошлой жизни, когда она была еще подростком, у нее был большой аппетит: она могла съесть жареного цыпленка в одиночку, а чтобы полностью утолить голод, ей требовалась еще кунжутная лепешка. В этой жизни ей было всего девятнадцать лет, так почему же она не обладает прежней прожорливостью? Может быть, ее аппетит не изменился с возрастом, когда она перешла в другую жизнь? Наблюдая за двумя обжорами, Шэнь Шаогуан не могла удержаться от зависти.

После того как они доели все мясные и овощные блюда, Они не стал просить Ю Сан приготовить еще лапши.

После ужина Ю Сань повел А'Юаня и А'Чанга наводить порядок на кухне и в магазине, а Шэнь Шаогуан медленно пошла к дому, неся в руках фонарь, который зажгла А'Юань.

Бай написал стихотворение, в котором говорится, что после небольшого банкета "музыка и песни прекратились, вернув двор к прежнему покою; огни в павильоне вскоре последовали за тем, чтобы погаснуть[2]".

Янь Шу считал, что это "хорошо выраженный образ жизни богатых вельмож[3]", в то время как слова мастера Коу "Золото на моей талии становится тяжелее с возрастом, как и моя нефритовая подушка, становясь все холоднее[4]" были вульгарными, слишком вульгарными и "не были словами богатых и почтенных".

Даже господин Лу Сюнь позже согласился с тем, что Бай Лэтянь умел писать о богатых вельможах. В его стихах нет ни единого упоминания о золоте, нефрите, парче и т. д., не употребляется ни одного слова, связанного с богатством, но в его сочинениях явно прослеживается отношение к зажиточным людям.

Шэнь Шаогуан тоже чувствовала, что стихи Бая полны сил, и считала, что уже достигла половины успеха, описанного в стихотворении мастера письма Бая. Хотя не было "музыки и песен", у нее был "двор", и хотя не было "павильона", был "свет"... Придя к такому выводу, Шэнь Шаогуан не удержалась от усмешки. Увы, мое чувство юмора действительно нестандартно!

...

Тот, у кого был настоящий "павильон", но не было много "музыки и песен", в данный момент наставлял служанок и слуг своей бабушки по отцовской линии, которые готовились к ночному дежурству. Горящий внутри уголь неизбежно осушит воздух в помещении, поэтому нужно оставить на столе немного теплой воды. Таким образом, старшая госпожа сможет сделать пару глотков, если проснется. Все служанки поклонились и последовали его приказу. Добавив еще несколько указаний, Линь Янь покинул двор бабушки.

Служанка закрыла за ним дверь во двор, а мальчик-слуга держал перед ним лампу. Направляясь в свой кабинет, Линь Янь обдумывал детали организации столичного патруля для новогоднего собрания Великого двора[5].

Северный ветер колыхал засохшие ветви во дворе, перебирал резные перила на дорожках и проводил по суровому лицу Линь Яня.

.

.

Сноски:

[1] Пусть Цзаоцзюнь войдет в небесные врата с достаточным количеством еды и вина; сокращение или избыток не имеет значения; прибыль от бизнеса в обмен будет возвышенной - Это адаптировано из "□□□" или приблизительно переведено как "Поэма поклонения кухонному богу" Фань Чэнда. Фань Чэнда был одним из самых известных китайских поэтов эпохи династии Сун, занимал государственные должности и был академическим авторитетом в области географии, особенно южных провинций Китая. Официального перевода нет, а формулировки настолько запутаны, что я очень старался. Если у кого-то есть лучший перевод, пожалуйста, сообщите мне об этом в комментариях.

[2] Музыка и песни стихли, вернув двору прежний покой; вскоре погасли и огни в павильоне (□□□□□□□□□□) - еще одно стихотворение нашего старого доброго поэта Бай Цзюйи. Его вежливое имя было Лэтянь, отсюда и более поздний абзац. Название стихотворения - "Конец банкета" (□

□)". Я обыскал весь интернет, но не нашел перевода этого стихотворения, но вы можете ознакомиться с рядом его (переведенных) стихотворений здесь - https://en.wikisource.org/wiki/Author:Bai_Juyi

[3] Янь Шу считал, что это "хорошо выраженный образ жизни богатых вельмож (□□□□□)" - Янь Шу (□□; 991-1055), китайский каллиграф, эссеист, поэт и политический деятель династии Сун. Это запись под названием "Гуйтяньлу (□□□ / □□□)", или, по-другому, "Записи после моего ухода на поля", сочинение в стиле заметок кисти (бицзи □□), написанное ученым Оуян Сю (□□□) периода Северной Сун (960-1126). Весь этот абзац был частью одного из рассказов, написанных в "Гуйтяньлу".

Солодовые сахарные дыни

<http://tl.rulate.ru/book/98766/3911774>